Кирилин. Ф.

Основатель и верховный руководитель добровольческой армии генерал М.В. Алексеев.

Ф. КИРИЛИНЪ.

Основатель и Верховный Руководитель Добровольческой Арміи

ГЕНЕРАЛЪ

М. В. АЛЕКСѢЕВЪ.

ЦѢНА 1 р. 50 к.

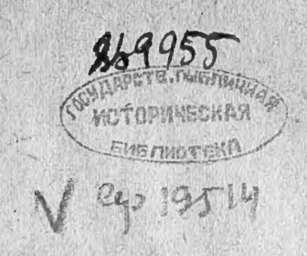

РОСТОВЪ НА ДОНУ.
1919.

Поле

2815
III к.

вход

Генералъ М. В. Алексѣевъ

Основатель и Верховный Руководитель Добровольческой Арміи.

Теперь, когда Добровольческой арміей заняты Царицынъ, Харьковъ, Екатеринославъ и очищенъ Крымъ и не дологъ тотъ моментъ, когда Добровольческая армія войдетъ въ сердце Россіи—Москву, откуда громкій ея голосъ раздастся по всей Руси Великой, созывая лучшихъ людей для устройства своей Родины, невольно обращаемся мыслью къ тому, чей прахъ покоится въ полутьмѣ сводовъ Екатерининскаго Собора въ Екатеринодарѣ.

Создатель Добровольческой арміи, ея вождь, положившій для новой Россіи твердый фундаментъ, Генералъ Михаилъ Васильевичъ Алексѣевъ— былъ великій человѣкъ, всю жизнь свою положившій на служеніе горячо любимой Родинѣ. Происходя изъ семьи бѣднаго армейскаго офицера онъ прожилъ и все свое дѣтство и даже большую половину своей жизни въ лишеніяхъ. Рано узнавши нужду и съ дѣтства пріучивши себя къ труду, М. В. развилъ въ себѣ полную работоспособность, работая ежедневно чуть ли не 16 часовъ. Въ дѣтствѣ своемъ онъ не проявилъ особыхъ способностей и даже не окончилъ гимназію, но съ годами умъ его развился и къ половинѣ своей жизни онъ изъ простого армейскаго офицера сдѣлался профессоромъ Академіи и достигъ этого только однимъ своимъ трудомъ и своими способностями, никому не обязываясь. Прямой, трудолюбивый, отзывчивый ко всѣмъ нуждамъ другихъ, глубоко убѣжденный и неподкупной честности человѣкъ, вотъ какимъ былъ генералъ Алексѣевъ. Нахлынувшая волна революціи и происшедшій отъ этого развалъ глубоко поразили покойнаго. Но не такой былъ человѣкъ М. В., чтобы опустить передъ несчастьемъ руки, и онъ задумалъ спасти свою Родину, онъ положилъ все для этого и отдалъ за это „послѣднее дѣло"—даже жизнь.

Скоро, скоро наступитъ тотъ моментъ, когда освобожденная отъ ужасовъ большевизма Родина вздохнетъ свободно и съ благодарностью вспомнитъ своего освободителя.

Въ одномъ изъ приказовъ по 64 пѣхотному Казанскому полку за 1857 годъ объявляется: „Штабсъ-Капитанъ Алексѣевъ рапортомъ донесъ, что у него родился сынъ Михаилъ, перемѣну эту внести въ послужной списокъ Шт.-Кап. Алексѣева". Вотъ первыя свѣдѣнія о появленіи на свѣтъ Михаила Васильевича Алексѣева, бывшаго Верховнаго Главнокомандующаго, Основателя и Верховнаго Руководителя Добровольческой арміи, доблестно ведущей въ настоящее время борьбу съ большевиками и стремящейся создать опять Великую Недѣлимую Россію на новыхъ началахъ, на благо всѣхъ народовъ, входящихъ въ составъ Россіи.

Дѣтство Михаила Васильевича протекало въ обстановкѣ бѣднаго армейскаго офицера въ г. Вязьмѣ, въ одномъ изъ маленькихъ уѣздныхъ городовъ, гдѣ въ то время стоялъ 64 Казанскій полкъ, и прошло совершенно незамѣтно, единственно можно отмѣтить одинъ несчастный случай, когда мальчикъ упалъ и переломилъ себѣ носъ. Ученіе въ гимназіи, куда былъ отданъ Михаилъ Васильевичъ, шло не особенно блестяще, и будущій Верховный Вождь Россіи особыхъ успѣховъ не оказывалъ и, не окончивъ курса гимназіи, поступилъ по экзамену вольноопредѣляющимся во 2-й Ростовскій полкъ, оттуда въ Московское Юнкерское училище. Въ училищѣ ученіе пошло гораздо лучше, и Михаилъ Васильевичъ окончилъ училище по 1-му разряду однимъ изъ первыхъ, что въ то время было очень трудно: такъ какъ по 1-му разряду оканчивало не болѣе 10 человѣкъ. По окончаніи училища выпущенъ былъ подпрапорщикомъ и вскорѣ былъ произведенъ въ прапорщики съ переводомъ въ свой родной 64-й Казанскій полкъ, съ которымъ и пошелъ въ турецкій походъ въ 1877 г. Уже при выходѣ изъ училища и въ походѣ Михаилъ Васильевичъ сталъ проявлять недюжинныя способности, что было не разъ отмѣчено начальниками и въ томъ числѣ незабвеннымъ Михаиломъ Дмитріевичемъ Скобелевымъ; у начальства М. В. былъ однимъ изъ лучшихъ офицеровъ, а товарищами-однополчанами за сердечное и простое отношеніе ко всѣмъ былъ любимъ; и, дѣйствительно, тихій, скромный, убѣжденно религіозный, вдумчивый, отзывчивый, готовый всегда придти на помощь другому въ трудную минуту, крайне заботливый къ своимъ подчиненнымъ, Михаилъ Васильевичъ невольно привлекалъ сердца всѣхъ, кто только съ нимъ сталкивался.

Во время войны Михаилъ Васильевичъ былъ сперва назначенъ баталіоннымъ, а потомъ полковымъ адъютантомъ, причемъ и на этой должности проявилъ себя какъ отличный офицеръ. За періодъ кампаніи 1877—1878, которую Михаилъ Васильевичъ провелъ отъ начала до конца, онъ былъ награжденъ боевыми орденами (св. Стан. 3 ст. и Анны 3 и 4 степ.). Какъ характерный показатель скромности можно указать на раненіе Михаила Васильевича, который въ одномъ изъ боевъ былъ раненъ въ палецъ, но объ этой ранѣ никому не сказалъ и вообще считалъ это такимъ пустякомъ, о которомъ и говорить не стоитъ.

По возвращеніи изъ похода, будучи полковымъ адъютантомъ, Михаилъ Васильевичъ сталъ дѣятельно готовиться въ Академію Генеральнаго Штаба, сознавая, что только будучи всесторонне образованнымъ и имѣя служебный и боевой опытъ, можно принести большую пользу своей Родинѣ. Произведенный за отличіе въ Штабсъ-Капитаны, онъ былъ назначенъ командиромъ роты.

Командуя ротой и не оставляя своихъ занятій по подготовкѣ въ академію, Михаилъ Васильевичъ и на новой должности рѣзко проявилъ свои способности, отдавая все свое время и опытъ на обученіе своей роты и своихъ офицеровъ, что было совершенно ново въ то время. Онъ не ограничивался, какъ другіе, казенными часами и установленной программой и обучалъ и развивалъ людей по мѣрѣ возможности и потихоньку отъ всѣхъ, въ неслужебные часы и по праздникамъ, собирая только желающихъ, а желающіе были всѣ въ ротѣ, да и не только свои, приходили люди и изъ другихъ ротъ послушать бесѣды Михаила Васильевича. А бесѣды были просты, интересны и увлекательны, и всѣ слушатели, которыхъ не вмѣщала сборная комната, старались послушать хотя бы черезъ открытое окно. Это не были лекціи, это не были уроки, а были бесѣды; люди это понимали хорошо; несмотря на кажущуюся суровость, Михаилъ Васильевичъ свободно задавалъ разные вопросы и всегда получалъ простые и

вполнѣ исчерпывающіе отвѣты. Бесѣды велись по всѣмъ отраслямъ, и долго объ нихъ никто не зналъ, не знали даже и свои младшіе офицеры. Объ этихъ бесѣдахъ я лично узналъ случайно, будучи въ ротѣ младшимъ офицеромъ. Однажды я шелъ съ ученія и разговаривалъ съ людьми; погода была хмурая, думая, что вотъ пойдетъ дождь, мы прибавили шагу, а въ это время блеснула молнія, и послѣдовалъ громовой ударъ, я, желая пошутить сказалъ: „вотъ Илья пророкъ проѣхалъ". На это идущій рядомъ со мной солдатъ отвѣтилъ: „никакъ нѣтъ—это электричество", и когда я, желая провѣрить его, сознательно ли онъ это говоритъ, сказалъ ему: никакого электричества тутъ нѣтъ, а ѣдетъ Илья пророкъ на огненной колесницѣ, и искры сыпятся, искры—молнія, а грохотъ колесницы—громъ, то солдатъ (мнѣ было извѣстно, что онъ почти неграмотный и деревенскій житель) весьма обстоятельно объяснилъ мнѣ происхожденіе грома и молніи.

Заинтересовавшись этимъ, я спросилъ: откуда онъ это узналъ? „Ротный командиръ намъ на бесѣдѣ говорилъ", былъ отвѣтъ. И только тогда я, младшій офицеръ роты, узналъ, что каждый праздникъ ротный командиръ ведетъ бесѣды, на бесѣды идутъ всѣ, кто хочетъ, и даже изъ другихъ ротъ. Другой случай изъ жизни моей въ ротѣ Михаила Васильевича былъ такой.

Былъ конецъ апрѣля 1886 г., я былъ офицеромъ первый годъ и недавно прибылъ въ полкъ, который стоялъ въ маленькомъ еврейскомъ городкѣ Кобринѣ, Гродненской губ., погода была хмурая, мнѣ, какъ уроженцу г. Петрограда, было крайне тяжело жить въ такомъ захолустьѣ и я, будучи на занятіяхъ, немного захандрилъ и былъ разсѣянъ. Подходитъ Михаилъ Васильевичъ и, какъ теперь помню, съ добрымъ проницательнымъ взглядомъ его голубыхъ глазъ, сердечнымъ голосомъ говоритъ: „что загрустили—идите-ка домой, возьмите ружье и походите по болоту, грусть какъ рукой сниметъ. (Я былъ крайне удивленъ подобнымъ совѣтомъ и еще больше тѣмъ, что ротный командиръ зналъ, что у меня была маленькая страсть къ охотѣ). Корніенко ступай съ подпоручикомъ на охоту, ты знаешь хорошія мѣста". Я сталъ отказываться, отговариваясь службой, но М. В. всетаки погналъ меня отъ занятій. Пошелъ я съ Корніенко, побродилъ по болоту, принесъ пару тетеревовъ, а ночью никакъ не могъ заснуть, все думалось: вѣдь и раньше со мной были припадки грусти, а раньше другіе командиры не только не заботились разогнать грусть, а не стѣснялись въ такихъ случаяхъ сдѣлать мнѣ замѣчаніе, что я разсѣянъ и чтобы я былъ внимательнѣе къ своимъ обязанностямъ; почему же М. В. поступилъ иначе, и въ душѣ зашевелилось глубокое чувство благодарности къ нему, который понялъ меня и отнесся ко мнѣ по отечески. Послѣ этого я съ особеннымъ рвеніемъ проводилъ всѣ занятія, и самъ М. В. ни разу не вспомнилъ объ этомъ, видимо, не желая вызывать меня на благодарность.

Вотъ какъ понималъ М. В. людей, какъ входилъ въ ихъ жизнь, готовый каждую минуту притти на помощь ближнему и въ то же время отстраняя самого себя и совершенно стушевываясь, причемъ спокойствіе никогда не покидало его въ особенности въ крайнихъ или опасныхъ случаяхъ.

Я помню такой случай: были пристрѣлы, пристрѣливали со станка Ливчака, патроновъ давали мало и берегли ихъ. Самъ М. В. былъ у мишени, и пристрѣлку вели два старшіе офицера въ ротѣ. М. В. отмѣтилъ на мишени треугольникъ, я со своимъ взводомъ занимался тутъ же. Поручикъ С—ій выпустилъ три пули. М. В. подошелъ къ мишени:—2 попали хорошо, а одна отскочила. Не желая тратить патроны, М. В. крикнулъ С—му: „выпустить одну пулю!" и отошелъ въ сторону. С—ій разговаривая

заложилъ патронъ и, не глядя на мишень, машинально заложилъ другой патронъ, выпустилъ и его, въ это время раздались голоса: „Ротнаго убили!" С—ій взглянулъ на мишень и видитъ у мишени стоитъ М. В. С—ій упалъ въ обморокъ. Но на счастіе нашей Родины Богъ хранилъ М. В., видно, судьбѣ необходимо было сохранить жизнь его для болѣе славныхъ дѣлъ. Что-жъ оказалось? М. В. отдалъ приказъ выпустить одинъ патронъ, послѣ выстрѣла подошелъ къ мишени и сталъ искать пробоину, упершись кистями рукъ въ бока, не думая, что послѣдуетъ второй выстрѣлъ, и въ то же время, когда онъ смотрѣлъ, раздался второй выстрѣлъ, и пуля прошла въ сгибѣ правой руки между рукой и тѣломъ. Увидя, что ротный живъ, вся рота радостно вскрикнула: „Слава Богу, ротный живъ!" и, снявъ шапки, всѣ перекрестились. А онъ? Онъ тоже снялъ шапку, перекрестился и сказалъ спокойно: „Казиміръ Бронеславовичъ, надо быть внимательнѣе!"; но видя, что у станка замѣшательство, быстро подошелъ къ С-му и сталъ его же успокаивать. Хотя М. В., какъ я уже сказалъ, отличался спокойствіемъ, но иногда и онъ терялъ терпѣніе и, какъ тогда говорили: „срывался съ нарѣзовъ". Это бывало обыкновенно послѣ праздниковъ, когда люди послѣ перерыва занятій на нѣсколько дней не всегда были внимательны и ученье шло не такъ, какъ надо.

Тогда М. В., выйдя изъ себя, кричалъ, топалъ ногами, дисциплинарныя взысканія сыпалъ одно за другимъ, и всѣмъ казалось, что наступитъ что-то невѣроятное; голосъ звучалъ громче, визгливѣе, и тогда рота понимала, что ротный извелся, и напрягала все свое вниманіе и стараніе, и ученіе понемногу становилось лучше и лучше.

Этотъ моментъ М. В. быстро схватывалъ, ловилъ его, и его душевное: „спасибо, молодцы", быстро дѣлало свое дѣло: громкій отвѣтъ—„Рады стараться, В-Б-іе", ровная, твердая нога и равненіе быстро являлись въ ротѣ, и рота, поучившись 10—15 минутъ, чуяла, что ротный видитъ, что они стараются и что гнѣвъ его уже прошелъ.

Дѣйствительно, сейчасъ же раздавался уже спокойный голосъ М. В.: „Ну, все забыто, домой, пѣсню!", и рота, радостно запѣвая пѣсню, бодро шла домой, зная что дѣйствительно все забыто!

Въ 1886 г. передъ большими маневрами, въ Высочайшемъ присутствіи были подвижные сборы подъ г. Бѣлостокомъ, и во время этихъ сборовъ пріѣхали командиръ корпуса ген. Петрушевскій и Начальникъ Академіи Генеральнаго Штаба ген. Драгомировъ. Генералъ Петрушевскій зналъ, что штабсъ-капитанъ Алексѣевъ готовится въ Академію и, представляя офицеровъ нашего полка, подойдя къ М. В., сказалъ генералу Драгомирову: Михаилъ Ивановичъ, вотъ штабсъ-капитанъ готовится къ тебѣ въ Академію, возьми его, въ ноги мнѣ потомъ поклонишься". „Что же, буду очень радъ имѣть такого офицера," отвѣтилъ генералъ Драгомировъ, и, дѣйствительно, въ слѣдующемъ году М. В. попалъ въ Академію, куда и поступилъ въ числѣ перваго десятка. Итакъ, М. В. поступилъ въ Академію не юношей, пробывъ требуемый цензъ 3 года, какъ это обыкновенно дѣлается, а прослуживъ въ строю 12 лѣтъ, отбывъ кампанію и прокомандовавъ 4 года ротой, имѣя прекрасный строевой цензъ, что впослѣдствіи и сказалось при всѣхъ его работахъ, въ которыхъ не было ничего отвлеченнаго; всѣ его разсужденія и выводы построены на его личномъ опытѣ, и потому всѣ они были цѣнны.

При поступленіи въ Академію былъ характерный случай, рисующій М. В., какъ человѣка въ высшей степени самолюбиваго и щепетильнаго. Во время экзаменовъ жилъ М. В. на Екатериненскомъ каналѣ противъ Казанскаго Собора въ меблированныхъ комнатахъ, рядомъ съ нимъ въ по-

мѣщеніи жилъ поручикъ Бор—въ, его однополчанинъ. М. В. въ это время усиленно занимался, и часы досуга, которые у него бывали очень рѣдко, употреблялъ на хожденіе въ церковь и на необходимыя прогулки, чтобы немного освѣжиться. Экзамены шли хорошо, оставались одни уставы. Не давался М. В. билетъ № I изъ кавалерійскаго устава, и онъ его зналъ очень плохо, а однополчанинъ его Б., у котораго экзамены шли также недурно, передъ экзаменомъ устава загулялъ въ „Аркадіи" и пришелъ домой только подъ утро. Въ это время М. В. уже сидѣлъ и занимался. Въ разговорѣ съ Б. онъ сказалъ, что ему никакъ не удается билетъ № I по кавалерійскому уставу, а остальное все знаетъ. И что же:— на экзаменѣ получилъ по общимъ, пѣхотнымъ и артиллерійскимъ уставамъ по 12, вынимаетъ по кавалерійскому уставу:—первый билетъ. Не желая давать плохой отвѣтъ, М. В. отказывается. Экзаменаторъ говоритъ ему: „Ну, отвѣчайте какъ знаете, другого билета мы вамъ дать не можемъ." На это М. В. говоритъ: я все знаю, кромѣ этого билета, а отвѣчать плохо не считаю для себя возможнымъ и потому отказываюсь. По кавалерійскому уставу поставили ему 0—средній баллъ по уставамъ оказался 9. Этотъ случай произвелъ глубокое впечатлѣніе какъ на экзаменаторовъ, такъ и на экзаменующагося.

Кончилъ Академію М. В. первымъ, получилъ Милютинскую премію, и только зависть генерала Сухотина лишила М. В. вполнѣ заслуженной имъ золотой медали и почетной надписи на мраморной доскѣ въ Академіи Генеральнаго Штаба. Это была крайняя несправедливость со стороны генерала Сухотина. Уже при прохожденіи курса въ Академіи проявлялся у М. В. глубокій, пытливый и всесторонній умъ, всѣ его задачи и темы были одними изъ лучшихъ и поражали глубиной его познаній, а сочиненіе о пользѣ лагерей, по заявленію Начальника Академіи Генеральнаго Штаба, считалось образцовымъ и было сдано въ музей, какъ образецъ краткаго, яснаго и глубокаго изслѣдованія.

По окончаніи Академіи М. В. женился на дочери своего батальоннаго командира Аннѣ Николаевнѣ Пироцкой, нынѣ здравствующей и оказывающей самую широкую помощь всѣмъ чинамъ Добровольческой арміи, состоя предсѣдательницей Комитета Скорой помощи, и имя ея, также какъ и имя незабвеннаго Михаила Васильевича, пользуется широкой популярностью среди чиновъ Добровольческой и Кавказской арміи и вызываетъ у всѣхъ чувство глубокаго уваженія.

По окончаніи Академіи М. В. отбылъ лагерный сборъ при штабѣ Гвардейскаго корпуса, но съ переводомъ въ Генеральный Штабъ получилъ назначеніе въ штабъ 1-го армейскаго корпуса. Неимѣніе средствъ къ жизни заставило М. В. взять уроки и быть преподавателемъ въ разныхъ училищахъ, сперва въ Петроградскомъ юнкерскомъ и Николаевскомъ кавалерійскомъ, а потомъ и въ Академіи Генеральнаго Штаба, гдѣ на него было возложено веденіе тактическихъ задачъ. Занятія эти, вмѣстѣ съ исполненіемъ прямыхъ обязанностей офицера Генеральнаго Штаба, брали много времени и не давали М. В. возможности заняться творческой литературной работой; этимъ и объясняется отсутствіе его литературныхъ работъ: все свое свободное время онъ посвящалъ службѣ и составленію замѣтокъ для своихъ лекцій въ училищѣ, а потомъ въ Академіи. По отзывамъ его учениковъ, изъ которыхъ многіе въ настоящее время состоятъ въ генеральскихъ чинахъ, М. В. былъ очень интереснымъ лекторомъ и умѣлъ увлечь даже самыхъ нерадивыхъ учениковъ; всѣ его бывшіе ученики и теперь съ благодарностью и восторгомъ вспоминаютъ время ученія подъ руководствомъ М. В.

Примѣромъ можетъ служить разсказъ стараго офицера, бывшаго юнкера Николаевскаго кавалерійскаго училища: „У насъ въ училищѣ считалось неприличнымъ говорить въ свободное время объ урокахъ и службѣ и считалось особымъ шикомъ опаздывать на занятія и особенно на съемки; всѣ партіи обыкновенно сильно запаздывали и собирались очень медленно, и руководители обыкновенно сами собирали юнкеровъ своей партіи; не то было въ партіи М. В.; еще задолго до прибытія М. В. партія всегда была въ сборѣ и ждала своего любимаго руководителя. На вопросы юнкеровъ другой партіи: „что вы, господа, такъ рано собираетесь?"—отвѣчали:—„нельзя, у насъ Алексѣевъ."

Это было достигнуто не примѣненіемъ взысканій или угрозъ, а только своимъ личнымъ примѣромъ, любовью, которую вкладывалъ М. В. въ каждое дѣло, порученное ему.

Такіе же результаты были и въ Академіи Генеральнаго Штаба: самые восторженные отзывы о Мих. Вас. какъ руководителѣ, а многіе сейчасъ съ чувствомъ глубокаго благоговѣнія вспоминаютъ отдѣльные фразы М. В., сказанныя при разборѣ имъ задачъ. Такъ, одинъ офицеръ вспомнилъ, какъ М. В. при разборѣ задачи, въ которой разъѣздъ вступилъ въ бой съ разъѣздомъ противника, сказалъ, что этого не должно дѣлать: „разъѣздъ, какъ вода въ рѣкѣ, встрѣтивъ камень, она его обтечетъ и не собьетъ". Вотъ характерное и мѣткое опредѣленіе дѣятельности разъѣзда.

Не долго пришлось М. В. прослужить въ штабѣ 1-го армейскаго корпуса; съ производствомъ въ штабъ-офицеры онъ получилъ назначеніе въ Военно-Учебный Комитетъ Главнаго Штаба дѣлопроизводителемъ, гдѣ и состоялъ почти до самой Японской войны.

Продолжая вести тактическія занятія въ Академіи Ген. Штаба, М. В. получилъ въ той же Академіи кафедру по военной исторіи и былъ назначенъ и. д. экстраординарнаго профессора по этой кафедрѣ, не имѣя никакихъ ученыхъ трудовъ. Это былъ единственный случай подобнаго назначенія. Черезъ годъ послѣ этого онъ былъ утвержденъ Конференціей Академіи въ званіи экстраординарнаго профессора, а потомъ—въ званіи ординарнаго и заслуженнаго профессора Академіи Генеральнаго Штаба.

Оглядываясь назадъ, мы видимъ, что сынъ бѣднаго армейскаго офицера, который не могъ окончить курсъ гимназіи, своимъ трудомъ добился такой высшей ученой степени и добился не съ помощью постороннихъ людей и протекціи, а единственно только своимъ трудомъ. Примѣръ небывалый и достойный уваженія, тѣмъ болѣе, что при такихъ тяжелыхъ условіяхъ труда прошла почти вся его жизнь: работать приходилось по 15-20 часовъ въ сутки, причемъ М. В. былъ всегда въ свободную минуту не мрачнымъ педагогомъ, а отзывчивымъ, веселымъ и жизнерадостнымъ собесѣдникомъ. При дальнѣйшей службѣ въ Управленіи Генеральнаго Штаба и различныхъ его переформированіяхъ М. В. оставался тамъ же на службѣ, и передъ Японской войной былъ начальниковъ Оперативнаго Отдѣленія Управленія Ген. Штаба, состоя одновременно членомъ различныхъ ученыхъ обществъ.

Я не буду останавливаться на различныхъ мелкихъ случаяхъ и полученныхъ имъ наградахъ, скажу только, что въ періодъ съ 1890 по 1904 годъ М. В. получилъ всѣ ордена (Ст 2 ст. Анны 2 ст. Вл. 4-ой и Влад. 3-й), чинъ капитана, подполковника, полковника и—за отличіе—генералъ-маіора въ 1904 г.

Наступившая Японская война застала М. В. въ должности Начальника Оперативнаго Отдѣленія, и всѣ подготовительныя работы были произ-

ведены имъ. Ни для кого не тайна, что передъ началомъ войны съ японцами мы считали ихъ врагомъ далеко не опаснымъ и даже хвастливо говорили о будущихъ пріобрѣтеніямъ послѣ войны. Въ томъ же духѣ былъ сдѣланъ докладъ Военнаго Министра и Государю, но, кажется, только одинъ М. В. не раздѣлялъ этихъ радужныхъ надеждъ и предостерегалъ другихъ отъ увлеченія. Его докладъ, составленный въ совершенно иномъ духѣ еще до войны, отличался глубокимъ знаніемъ нашего противника, оказался пророческимъ и до мельчайшихъ подробностей вѣрнымъ по сличенію съ японскими данными по окончаніи войны и еще разъ доказалъ глубокій умъ М. В.

Съ начала войны М. В. стремился на театръ военныхъ дѣйствій, но ближайшее начальство не соглашалось на это, и, дѣйствительно, М. В. не было кѣмъ и замѣнить въ такое горячее время, время развертыванія армій и новыхъ формированій. Въ это время энергія, умъ и работоспособность М. В. принесли неоцѣнимую пользу Родинѣ. Только въ ноябрѣ 1904 г. М. В. получилъ назначеніе Генералъ-Квартирмейстеромъ 3-ей Манджурской арміи, куда и отбылъ въ началѣ ноября. Нечего говорить, что при способностяхъ М. В. онъ былъ незамѣнимымъ работникомъ, и дѣла въ штабѣ быстро наладились, но М. В. не ограничивался только одной штабной работой. Въ критическія минуты, какъ это было въ февралѣ 1905 г. при прорывѣ нашего фронта, М. В. лично руководилъ и устраивалъ отступившія части, и только благодаря его умѣнію не развилось паники, и части отступили въ сравнительно хорошемъ порядкѣ. М. В. находился подъ огнемъ и рисковалъ жизнью. Подъ нимъ была убита лошадь, и самъ онъ силою взрыва былъ сброшенъ съ лошади, но и тутъ, и въ Турецкой войнѣ по природной его скромности онъ объ этомъ фактѣ умолчалъ. За періодъ войны съ Японіей М. В. былъ награжденъ орд. Св. Стан. 1 ст. съ мечами и золотымъ оружіемъ за сраженіе подъ Мукденомъ.

По окончаніи неудачной войны и октябрской революціи въ 1905 г. М. В. вернулся обратно въ Петроградъ и занялъ мѣсто 2-го Генералъ-Квартирмейстера въ новопереформированномъ Управленіи Генеральнаго Штаба. Горячо принялся М. В. за свою работу: лично наблюдая всѣ наши недостатки во время войны, онъ изо всѣхъ силъ старался скорѣе исправить ихъ, мечтая о скоромъ реваншѣ.

Время съ 1905 по 1914 г. въ нашей арміи было періодомъ преобразованій, усовершенствованій, и новая война 1914 г. застала насъ если не вполнѣ готовыми, то, во всякомъ случаѣ, значительно сильнѣйшими (въ особенности,—въ техническомъ отношеніи), чѣмъ при Японской войнѣ. Безусловно, всѣмъ этимъ Россія обязана творческой работѣ М. В., но личные счеты многихъ старшихъ начальниковъ сильно тормозили многіе проекты М. В., и нѣкоторые изъ нихъ такъ и не были приведены въ исполненіе; а тѣ же, которые были проведены, прошли въ такомъ видѣ, что ничего общаго съ проектомъ М. В. не имѣли.

Въ 1908 г. М. В. былъ назначенъ Начальникомъ Штаба Кіевскаго Военнаго Округа, причемъ при назначеніи онъ былъ произведенъ лично Государемъ безъ представленія. Здѣсь, со свойственной ему энергіей, принялся М. В. за работу по подготовкѣ войскъ къ будущей войнѣ. Многое было сдѣлано единственно благодаря заботамъ М. В.: такъ, было обращено особенное вниманіе на болѣе тщательную боевую подготовку офицерскаго состава и офицеровъ Генеральнаго Штаба. Всѣ занятія по этой отрасли велись М. В. самолично и дали блестящіе результаты—въ періодъ войны на Галиційскомъ фронтѣ. Въ 1911 г. М. В. былъ назначенъ Командиромъ 13-го Армейскаго корпуса и въ короткое время быстро поставилъ корпусъ на должную высоту. Постоянно присутствуя при всѣхъ олевыхъ за-

нятіяхъ, причемъ всегда и вездѣ требовалъ проявленіе личной иниціативы у начальниковъ, до взводнаго включительно, никогда не высказывалъ своего неудовольствія при неудачномъ проявленіи личной иниціативы, а только подробно указывалъ на эти недостатки, говоря: „разъ—плохо, другой разъ—лучше, а тамъ пойдетъ хорошо, надо только будетъ постоянно работать въ этомъ направленіи!“

При этой работѣ сказалось время пребыванія въ строю до Академіи и знаніе солдатъ, которыхъ ген. Алексѣевъ изучилъ вполнѣ, живя съ ними вмѣстѣ 13 лѣтъ въ мирное и въ военное время. Онъ по опыту зналъ, что можно требовать отъ солдата и чего нельзя.

Въ своихъ требованіяхъ былъ всегда настойчивъ и никогда отъ своего не отступался, но былъ всегда высоко справедливъ, въ особенности къ младшимъ. Былъ такой случай: одинъ капитанъ былъ аттестованъ неудовлетворительно, послѣ ряда аттестацій отличныхъ. Генералъ Алексѣевъ неоднократно лично провѣрялъ этого капитана, часто бывая на занятіяхъ, и не находилъ его роту плохой. Когда собралась аттестаціонная комиссія, и капитанъ этотъ долженъ былъ быть уволенъ со службы, такъ какъ былъ аттестованъ плохимъ 2 года подъ рядъ, генералъ Алексѣевъ на совѣщаніи, состоявшемъ изъ высшихъ чиновъ корпуса, предложилъ назвать въ каждомъ полку лучшія роты и приказалъ ихъ вывести на плацъ, туда же была вызвана и рота плохого капитана. Когда доложили М. В., что ротъ готовы, онъ предложилъ комиссіи просмотрѣть роты, которыя продѣлали всѣ одинаковыя построенія. Роты были отпущены домой, и ген. Алексѣевы предложилъ комиссіи высказать свои впечатлѣнія о видѣнномъ. Всѣ, за исключеніемъ 3-хъ членовъ (командира полка, командира бригады и начальника дивизіи этого корпуса), нашли плохую роту лучшей изъ всѣхъ представленныхъ. Тогда ген. Алексѣевъ сказалъ: „Всякіе разговоры излишни, вы, господа, сами исправили аттестацію капитана“, и капитанъ былъ аттестованъ отлично вмѣсто того, чтобы быть уволеннымъ.

Въ 1911 году, въ августѣ мѣсяцѣ, ген. Алексѣевъ чуть не погибъ: возвращаясь съ маневровъ, при съѣздѣ съ косогора, его автомобиль, вслѣдствіе небрежности шоффера и порчи шины, наскочилъ на телеграфный столбъ и, ударившись, отскочилъ, пошелъ въ другую сторону и свалился съ трехсаженной высоты въ болото, покрывъ собою генерала и другихъ сидящихъ. По счастливой случайности, вблизи на мельницѣ работали люди, которые прибѣжали и, опрокинувъ автомобиль, вытащили оттуда ген. Алексѣева въ безсознательномъ состояніи. Только благодаря энергичной помощи жены мельника, которая, очистивъ ротъ отъ тины, вызвала рвоту, привели въ чувство генерала. М. В. благополучно былъ доставленъ домой. Еще разъ Господу Богу было угодно спасти его жизнь. Паденіе это прошло безъ всякихъ послѣдствій, но если бы автомобиль не отскочилъ отъ телеграфнаго столба и свалился бы въ ту сторону, гдѣ стоялъ столбъ, то оно было бы безусловно смертельнымъ, такъ какъ внизу были сложены кучи бревенъ.

Передъ началомъ войны въ 1914 г. ген. Алексѣевъ былъ неоднократно вызываемъ въ Высшее Военное Совѣщаніе, какъ человѣкъ знающій и вполнѣ освѣдомленный; всѣ его мнѣнія высоко цѣнились. На этихъ совѣщаніяхъ предрѣшались разныя назначенія на случай объявленія войны, и М. В., согласно этому назначенію, при объявленіи войны вступилъ въ должность Начальника Штаба Главнокомандующаго юго-западнымъ фронтомъ.

На своемъ новомъ посту генералъ Алексѣевъ не былъ новымъ человѣкомъ, т. к. въ бытность свою Начальникомъ Штаба Кіевскаго Военнаго Округа, производя всѣ маневры и полевыя поѣздки, былъ уже заранѣе зна-

комъ съ особенностями юго-западнаго фронта. Это быстро сказалось на дѣлѣ. Всѣ австрійскія арміи, брошенныя по направленію Брестъ-Литовска, были встрѣчены должнымъ порядкомъ и, послѣ цѣлаго ряда упорныхъ боевъ, были наголову разбиты. Этимъ ударомъ генералъ Алексѣевъ нанесъ австрійцамъ непоправимое пораженіе и открылъ намъ свободное движеніе на Львовъ, Перемышль и Краковъ. Хотя лично ген. Алексѣевъ и не командовалъ войсками, но, внѣ всякихъ сомнѣній, какъ планъ, такъ и руководство всѣми операціями принадлежитъ ген. Алексѣеву, какъ Начальнику Штаба. За эту операцію Верховный Главнокомандующій В. К. Николай Николаевичъ лично поздравилъ Алексѣева съ производствомъ въ полные генералы и навѣсилъ на его грудь собственный Георгіевскій крестъ 4-ой степени.

Вслѣдъ за первымъ разгромомъ австрійцевъ наши доблестныя войска, руководимыя генераломъ Ивановымъ совмѣстно съ ген. Алексѣевымъ, быстро пошли въ Галицію, взяли Львовъ, осадили Перемышль и подошли къ крѣпости Краковъ.

Послѣ взятія крѣпости Перемышль въ мартѣ 1915 г. ген. Алексѣевъ получилъ назначеніе Главнокомандующимъ сѣверо-западнымъ фронтомъ. Съ его уходомъ дѣла на юго-западномъ фронтѣ пошли хуже, и всѣ взятыя области къ концу 1915 г. опять были уступлены врагу. Сѣверо-западный фронтъ генералъ Алексѣевъ принялъ далеко не въ порядкѣ: полки понесли сильныя потери и не были пополнены, техническая часть была, какъ и вездѣ, далеко не на высотѣ.

На долю новаго Главнокомандующаго фронтомъ выпала тяжелая задача вывести войска фронта изъ желѣзныхъ объятій нѣмцевъ и австрійцевъ, охватившихъ нашу армію съ фланговъ.

Тяжело было управлять и трудно было сдерживать натискъ противника, отчаянно шедшаго впередъ, не щадя своихъ людей, тѣмъ болѣе, что къ этому времени у насъ оказалось полное отсутствіе снарядовъ. Но войска имѣли вождемъ генерала Алексѣева. Не даромъ же Господь Богъ неоднократно спасалъ его отъ явной гибели, не даромъ генералъ Алексѣевъ всю жизнь работалъ на пользу Родины, не даромъ онъ долгое время былъ вмѣстѣ съ солдатами. Умъ, опытъ и неутомимая энергія М. В. спасли въ этотъ критическій моментъ Россію. Онъ сохранилъ боеспособность русскаго фронта: войска отступили почти всѣ, за исключеніемъ части гарнизона крѣпости Новогеоргіевска, и отступая дрались, какъ львы, отбивая противника, неотступно насѣдавшаго на нихъ. Въ это тяжелое время ген. Алексѣевъ былъ фактическимъ начальникомъ всего фронта, такъ какъ почти всѣ арміи южнаго фронта были подчинены ему. Заслуги генерала Алексѣева, разбившаго всѣ планы нѣмцевъ —уничтожить нашу армію, своевременно будутъ оцѣнены исторіей.

Операція 1915 г.—одно изъ славныхъ дѣлъ ген. Алексѣева, о чемъ, нисколько не стѣсняясь, говорятъ и наши союзники, которые всегда относились къ нему съ глубокимъ уваженіемъ, называя его „Великій Старецъ". Всѣ военныя операціи наши союзники не предпринимали безъ согласія генерала Алексѣева, и ко всякому мнѣнію, высказанному имъ, относились съ большимъ вниманіемъ и уваженіемъ. Въ награду за эту операцію генералъ Алексѣевъ получилъ отъ главъ иностранныхъ государствъ высшія военныя награды—это лучшій показатель оцѣнки его дѣятельности.

Въ августѣ 1916 г. генералъ Алексѣевъ былъ назначенъ Начальникомъ Штаба Верховнаго Главнокомандующаго и сдѣлался фактическимъ руководителемъ всей Русской арміи. Тогда-то и началась та незамѣтная тяжелая работа въ арміи, называемая реорганизаціей. Необходимо было

пополнить части, снабдить ихъ всѣмъ необходимымъ, вооружить, заготовить снаряды, патроны и все прочее.

Что было сдѣлано за это время, я не могу сказать, такъ какъ перечисленіе всѣхъ распоряженій не входитъ въ задачу настоящей работы, но не могу не отмѣтить, что къ концу 1916 г. Русская армія была доведена до такой численности и до такой высоты обученія, какого она никогда не достигала. Былъ окончательно выработанъ планъ наступленія совмѣстно съ союзниками и назначенъ на 9 апрѣля 1917 г. Всеобщій планъ наступленія грозилъ сломить нашихъ враговъ.

За періодъ исполненія обязанности Начальника Штаба Верховнаго Главнокомандующаго генералъ Алексѣевъ былъ награжденъ орденомъ Бѣлаго Орла, Владимира 2-й степени и званіемъ генералъ-адъютанта. Тяжелая работа и постоянное напряженіе нервовъ, періодическое недосыпаніе сломило желѣзное здоровье Михаила Васильевича, и въ ноябрѣ мѣсяцѣ онъ тяжело заболѣлъ. Болѣзнь затянулась, и онъ былъ уволенъ въ отпускъ въ Севастополь, куда къ нему, въ Морское Собраніе, былъ проведенъ прямой телеграфный проводъ, и онъ, лежа въ кровати, былъ въ курсѣ дѣла и могъ непосредственно подавать въ ставку свое мнѣніе о дѣйствіяхъ арміи.

Обращаясь опять назадъ, я не могу не указать на ту простоту, на ту заботливость, которую всегда проявлялъ генералъ Алексѣевъ по отношенію къ своимъ подчиненнымъ и къ тѣмъ, кто съ нимъ соприкасался. По назначеніи его Начальникомъ Штаба Верховнаго Главнокомандующаго ему приходилось сталкиваться не только съ военными, но и съ гражданскими чинами и съ общественными дѣятелями, и всѣ уходили отъ него вполнѣ удовлетворенными, поражаясь его обширнымъ познаніямъ, глубинѣ ума и простотѣ. Не будучи никогда свѣтскимъ человѣкомъ и не умѣя льстить, ген. Алексѣевъ и въ кругу придворныхъ сумѣлъ поставить себя внѣ всякихъ интригъ. Всѣ попытки лицъ, причастныхъ къ военному командованію, пытавшихся проникнуть въ тайны нашихъ плановъ, даже попытки со стороны бывшей Императрицы встрѣчали въ ген. Алексѣевѣ грозную молчаливую крѣпость, о которую онѣ разбивались; это вызывало понятное неудовольствіе со стороны этихъ господъ.

Приведу одинъ случай: митрополитъ Иннокентій пріѣхалъ въ Ставку спеціально узнать о нашихъ военныхъ дѣлахъ. Ген. Алексѣевъ отвѣтилъ: „Ваше высокопреосвященство, васъ, какъ лицо духовное, не могутъ интересовать наши военныя дѣла, а потому не будемъ о нихъ говорить", и этимъ самымъ положилъ конецъ разспросамъ.

Внезапно нахлынувшая волна революціи, отреченіе Императора и послѣдовавшее затѣмъ разложеніе арміи, произведенное агентами Вильгельма— Ленинымъ и его присными, перевернуло всѣ предназначенія генерала Алексѣева, и наступленіе, назначенное на 9 апрѣля, не могло состояться.

Оставшись послѣ революціи, по предложенію Временнаго Правительства, во главѣ арміи, генералъ Алексѣевъ тщетно старался остановить разложеніе, тщетно старался воспрепятствовать мирной пропагандѣ соціалистовъ и прочей дряни, старавшимся надъ разложеніемъ арміи и тѣмъ самымъ разваливавшимъ Великую Россію. Увидѣвъ, что, несмотря на всѣ старанія, остановить развалъ арміи ему не удается, и не желая быть игрушкой въ рукахъ солдата, онъ просилъ освободить его отъ обязанности Верховнаго Главнокомандующаго, и послѣ продолжительныхъ просьбъ былъ уволенъ и назначенъ въ распоряженіе Временнаго Правительства— дабы оно могло всегда пользоваться его большимъ опытомъ и познаніями на благо Родины, какъ говорилось въ приказѣ о его назначеніи. Уйдя съ

своего поста и удалившись въ Смоленскъ, ген. Алексѣевъ не могъ бросить своего дѣла окончательно и продолжалъ слѣдить за фронтами. Штабъ освѣдомлялъ его о всѣхъ распоряженіяхъ.

М. В. Алексѣевъ, какъ истинный сынъ своей Родины, глубоко страдалъ, предвидя неминуемый развалъ Россіи, и всячески старался, не надѣясь на солдатъ, спасти ее. Онъ создалъ тогда же офицерскій союзъ, думая сплотить въ этомъ союзѣ всѣхъ офицеровъ, которые могли бы дать своевременный отпоръ наглой бандѣ, захватившей власть въ свои руки.

Но Совѣты, видя въ ген. Алексѣевѣ главнаго своего врага, зная его популярность въ арміи, его способности и его настойчивость, всячески старались парализовать его дѣйствія и настояли на роспускѣ офицерскаго союза. Когда въ Москвѣ собрались общественные дѣятели, въ томъ числѣ и ген. Алексѣевъ, какъ представитель отъ офицеровъ, ген. Алексѣевъ громогласно и безъ всякой боязни указалъ на тѣ язвы, которыя разъѣдаютъ Россію, и, несмотря на крики, брань и угрозы со стороны крайнихъ лѣвыхъ, высказалъ всю правду Государственному Совѣщанію. Рѣчь его произвела сильное впечатлѣніе на всю Россію, но ничего существеннаго не сдѣлала: слишкомъ были заманчивы обѣщанія лѣвыхъ; революція въ то время справляла свой медовый мѣсяцъ.

Борясь всѣми силами съ наступающей разрухой въ арміи, Алексѣевъ не былъ одинъ; многіе изъ высшихъ чиновъ были его единомышленниками: въ числѣ ихъ былъ и генералъ Корниловъ, который въ августѣ 1918 г. послѣ Тарнопольскаго разгрома былъ назначенъ Верховнымъ Главнокомандующимъ. Какъ извѣстно, генералъ Корниловъ громко потребовалъ возстановленія дисциплины и правъ офицеровъ и обязательнаго продолженія войны до побѣднаго конца, причемъ съ согласія Предсѣдателя Совѣта Министровъ— Керенскаго, съ цѣлью добиться перемѣны правительства, двинулъ кавалерійскіе полки на Петроградъ; Керенскій, испугавшись въ послѣднюю минуту и не желая разставаться съ властью, измѣнилъ Корнилову и объявилъ его „измѣнникомъ". Для ликвидаціи возможной гражданской войны былъ спѣшно вызванъ въ Петроградъ Алексѣевъ, на котораго въ дорогѣ „товарищи" хотѣли устроить покушеніе: поѣздъ былъ направленъ на полномъ ходу въ тупикъ. Только указаніе, что ген. Алексѣева вызываетъ Керенскій, остановило преступленіе, и генерала благополучно доставили въ Петроградъ.

Въ Петроградѣ ген. Алексѣевъ принялъ участіе въ переговорахъ о созданіи новаго кабинета, во главѣ котораго предположено было поставить его съ диктаторскими полномочіями, но Керенскій колебался и, получивъ въ засѣданіи телеграммы отъ ген. Щербачева и Пржевальскаго о томъ, что они съ войсками стоятъ на сторонѣ Временнаго Правительства, отказался сложить съ себя власть и остался на своемъ посту. Корниловъ, а вмѣстѣ съ нимъ генералъ Деникинъ и нѣсколько другихъ генераловъ, были объявлены „мятежниками" и арестованы.

Для окончательной ликвидаціи дѣла былъ назначенъ ген. Алексѣевъ, послѣ долгихъ колебаній рѣшившій принять временно должность Начальника Штаба Верховнаго Главнокомандующаго, которымъ провозгласилъ себя все тотъ же всезнайка—Керенскій. Получивъ большія полномочія, ген. Алексѣевъ убѣдилъ Корнилова передать ему командованіе и съ большимъ трудомъ сдержалъ революціонные полки „товарищей", стремившихся силой захватить Корнилова и его единомышленниковъ для расправы съ ними.

Корниловъ, послѣ сложенія своихъ полномочій, былъ препровожденъ въ Быховъ подъ конвоемъ своихъ вѣрныхъ текинцевъ, и, только отправивъ его въ Быховъ, ген. Алексѣевъ сталъ спокоенъ, что теперь Корни-

лову не грозитъ никакая опасность. Затѣмъ надо было спасти Деникина и его единомышленниковъ, и ген. Алексѣевъ употребилъ всю свою энергію, свой авторитетъ, чтобы добиться у правительства назначенія обыкновеннаго слѣдствія и суда, не отдавая этого дѣла въ руки фронтовыхъ судовъ, исключительно состоявшихъ изъ „товарищей", въ надеждѣ, что при законномъ слѣдствіи и на судѣ никакой вины за ними не найдутъ. Особенно большой опасности подвергался ген. Деникинъ, вина котораго была только въ томъ, что онъ открыто заявилъ, что вполнѣ раздѣляетъ взглядъ ген. Корнилова. Будучи изолированъ въ Бердичевѣ отъ Корнилова и другихъ, Деникинъ подвергался опасности быть осужденнымъ не общимъ Россійскимъ судомъ, а только фронтовымъ судомъ, во главѣ котораго стоялъ комиссаръ Іорданскій, добивавшійся во что бы то ни стало быстраго суда надъ ген. Деникинымъ. Очевидно, ему угрожала смертная казнь. Таковымъ приговоромъ предрѣшали и судьбу ген. Корнилова. Много пришлось хлопотать ген. Алексѣеву лично передъ Временнымъ Правительствомъ, доказывать всю необоснованность требованій комиссаровъ Южнаго фронта, за помощью онъ обращался къ общественнымъ дѣятелямъ, призывалъ прессу въ открытую выступить на защиту невинныхъ и отстоять ихъ, и наконецъ, послѣ долгихъ хлопотъ удалось добиться назначенія общаго слѣдствія и общаго суда, а ген. Деникина и его единомышленниковъ перевести въ Быховъ. Глубоко вздохнулъ и перекрестился ген. Алексѣевъ при полученіи извѣстій, что группа арестованныхъ во главѣ съ ген. Деникинымъ прибыла въ Быховъ. Теперь онъ былъ спокоенъ: жизнь этихъ борцовъ за Родину находилась въ полной безопасности—вѣрные текинцы никогда и никому ихъ не выдадутъ.

Добившись слѣдствія надъ арестованными генералами и обезпечивъ ихъ отъ дикаго самосуда, М. В. немедленно сложилъ съ себя званіе Начальника Штаба Верховнаго Главнокомандующаго. Будучи выбранъ Офицерскимъ Союзомъ представителемъ въ такъ называемый Россійскій предпарламентъ, ген. Алексѣевъ 7 октября пріѣхалъ въ Петроградъ, гдѣ и принималъ участіе въ засѣданіяхъ предпарламента. Октябрьскій переворотъ и захватъ власти большевиками засталъ его въ Петроградѣ. Въ день переворота онъ пришелъ въ Маріинскій дворецъ на засѣданіе, но дежурный офицеръ его не впустилъ, требуя, чтобы онъ скрылся, иначе его арестуютъ. Генералъ Алексѣевъ, нехотя ушелъ. Едва онъ вышелъ на улицу, какъ за нимъ бросились матросы съ цѣлью его арестовать, но уже не нашли его. Нашлись люди, которые силой увели его, переодѣли въ штатское платье и отправили въ Новочеркасскъ, куда онъ и прибылъ въ началѣ ноября. Здѣсь немедленно принялся онъ за работу надъ созданіемъ арміи для борьбы съ большевиками и возстановленія Россіи.

2 ноября генералъ Алексѣевъ обнародовалъ свое письмо къ офицерамъ, звалъ ихъ на Донъ соединиться, создать армію и итти освобождать Россію отъ захвата „большевиковъ". На его призывъ отозвались немногіе офицеры и самая юная молодежь—юнкера и кадеты. Въ то же время генералъ Алексѣевъ получилъ первое пожертвованіе въ 400 руб. Вотъ эти-то 200 человѣкъ и 400 рублей и составили ядро будущей Добровольческой арміи. Но правду говорятъ: „лиха бѣда—начало." Такъ и въ данномъ дѣлѣ, по призыву генерала, всѣми любимаго и уважаемаго, со всѣхъ концовъ Россіи шли офицеры переодѣтые, крадучись, такъ какъ совѣтскія власти принимали всѣ мѣры, чтобы не допустить сосредоточенія ихъ у Алексѣева, ясно сознавая, что впослѣдствіи эти офицеры составятъ грозную силу.

Въ декабрѣ мѣсяцѣ прибылъ въ Новочеркасскъ генералъ Корниловъ, который по соглашенію съ генераломъ Алексѣевымъ принялъ на себя ко-

мандованіе Добровольческой арміей, потомъ прибылъ генералъ Деникинъ, Романовскій, Эрдели, Марковъ и др. Горсть этихъ людей, вдохновляемая великимъ патріотомъ генераломъ Алексѣевымъ и воодушевляемая горячей любовью къ Родинѣ, сорганизовала отрядъ, который къ концу 1918 года представлялъ единственную реальную силу на Дону. Генералъ Алексѣевъ оставилъ себѣ Верховное руководство Добровольческой арміей и тѣми дѣлами, которыя при развитіи дѣла впослѣдствіи переданы были въ Особое Совѣщаніе. Хотя Добровольческая армія и была сильна духомъ своихъ бойцовъ,—но что могла сдѣлать эта горсть храбрецовъ безъ оружія, безъ денегъ и даже при явно недоброжелательномъ отношеніи мѣстныхъ жителей, съ громадными полчищами большевиковъ, прекрасно вооруженными, опьяненными успѣхами революціи, разгульной жизнью и легкой наживой. Толпа видѣла въ добровольцахъ ярыхъ „контръ-революціонеровъ“, своихъ прямыхъ враговъ и понятно напрягала всѣ усилія уничтожить ихъ. Сдѣлать это было далеко не легко. Во главѣ добровольцевъ стояли лучшіе люди Россіи, пламенные патріоты и испытанные военные вожди генералы Алексѣевъ, Корниловъ, Деникинъ и др. Они, противопоставивъ этой дикой толпѣ свой умъ, опытъ и горячую любовь къ Родинѣ, зажгли искру надежды въ сердцахъ своихъ единомышленниковъ, дали имъ вѣру въ возстановленіе поруганной Родины. Искра эта разгорѣлась и выросла въ большое пламя, которое теперь погасить уже не въ состояніи никто. Но въ февралѣ мѣсяцѣ 1918 г. добровольцы переживали тяжелые дни во главѣ со своимъ Верховнымъ вождемъ Алексѣевымъ и Главнокомандующимъ Корниловымъ, они, не будучи въ состояніи бороться на Дону, вышли изъ Ростова въ степь, поставивъ себѣ задачей пробраться въ Екатеринодаръ, гдѣ еще не было совѣтской власти.

Труденъ былъ походъ, много лишеній было пережито, много полегло лучшихъ людей, но эта маленькая горсть людей не уменьшалась и, постепенно двигаясь, все увеличивалась и увеличивалась, какъ комъ снѣга. Я не буду описывать всѣ тяжести похода, это дѣло историка великаго Кубанскаго похода героической Добровольческой арміи, но скажу, что этимъ походомъ было выиграно время, за которое произошло отрезвленіе массы, и конечнымъ результатомъ было возстаніе казаковъ Донской, Кубанской и Терской областей, не выдержавшихъ совѣтскаго управленія. Къ концу лѣта 1918 г. произошло очищеніе отъ большевиковъ Кубанской, Донской, отчасти Терской области и Ставропольской губерніи. Въ августѣ былъ занятъ Екатеринодаръ, а затѣмъ и Новороссійскъ, и Добровольческая армія съ Верховнымъ Вождемъ получила настоящую базу. Прибывъ въ Екатеринодаръ, генералъ Алексѣевъ приступилъ немедленно къ созданію государственной власти: было создано Особое Совѣщаніе, въ составъ котораго вошли всѣ отдѣлы внутренняго управленія (министерства). М. В. вошелъ въ соглашеніе съ союзниками, отъ которыхъ добился помощи деньгами, снаряженіемъ, а, главнымъ образомъ,—оружіемъ. Работа шла успѣшно „Послѣднее дѣло на землѣ,“—какъ называлъ М. В. свою дѣятельность по созданію Добровольческой арміи, ставилось на прочный фундаментъ, но тутъ смерть положила предѣлъ его многотрудной работѣ.

25 сентября генералъ Михаилъ Васильевичъ Алексѣевъ, Верховный Руководитель и Основатель Добровольческой арміи, скончался отъ воспаленія легкихъ.

Главнокомандующій Добровольческой арміей генералъ А. И. Деникинъ, въ горестный день его кончины, почтилъ память покойнаго слѣдующимъ приказомъ;

„Сегодня окончилъ свою—полную подвига, самоотверженія и страданія жизнь генералъ Михаилъ Васильевичъ Алексѣевъ.

Семейныя радости, душевный покой, всѣ стороны личной жизни онъ принесъ въ жертву служенія Отчизнѣ.

Тяжелая лямка строевого офицера, тяжелый трудъ, боевая дѣятельность офицера Генеральнаго Штаба, огромная по нравственной отвѣтственности работа фактическаго руководителя всѣми вооруженными силами русскаго государства въ Отечественную войну—вотъ его крестный путь. Путь, озаренный кристалической честностью и горячей любовью къ Родинѣ—и великой, и растоптанной.

Когда не стало арміи и гибла Русь, онъ первый поднялъ голосъ, кликнулъ кличъ русскому офицерству и русскимъ людямъ.

Онъ же отдалъ послѣднія силы свои созданной руками его Добровольческой арміи. Перенося и травлю, и непониманіе и тяжелыя невзгоды страшнаго похода, сломившаго его физическія силы, онъ съ вѣрою въ сердцѣ и съ любовью къ своему дѣтищу шелъ съ нимъ по тернистому пути къ завѣтной цѣли спасенія Родины.

Богъ не судилъ ему увидѣть разсвѣтъ.

Но онъ близокъ!

И рѣшимость Добровольческой арміи продолжать его жертвенный подвигъ до конца—пусть будетъ дорогимъ вѣнцомъ на свѣжую могилу Собирателя Русской Земли!“

Миръ праху твоему, великій сынъ Великой Россіи!

Ты не дождался полнаго возстановленія своей Родины, но ты уже видѣлъ зарю возрожденія Россіи.

Ты умеръ, но сѣмя, брошенное тобой, даетъ уже обильный урожай, и завѣты твои, переданные въ руки генерала Деникина, будутъ точно выполнены,—они въ надежныхъ рукахъ.

Вся Русь уже проснулась отъ тяжелаго кошмарнаго сна, она еще не вполнѣ пришла въ себя, но еще немного, и снова она будетъ Едина; уже вспыхнули повсемѣстныя возстанія противъ большевиковъ, и отовсюду протягиваются руки за помощью къ созданной тобой Добровольческой арміи.

И недалекъ тотъ моментъ, когда соединенныя силы Юга Россіи вмѣстѣ съ адмираломъ Колчакомъ и генераломъ Юденичемъ войдутъ въ Москву—сердце Россіи и колокольнымъ звономъ Ивана Великаго возвѣстятъ всему Русскому народу о воскрешеніи Россіи—*Россіи Свободной, Великой и Недѣлимой!*

Русскій народъ вспомнитъ тебя, творецъ Добровольческой арміи, вознесетъ тебя, великаго сына своей Родины, и память о тебѣ заповѣдуетъ хранить на вѣчныя времена изъ рода въ родъ, отъ потомства къ потомству!

Ф. Кирилинъ.

